

Вадим Козов

ВЫЙТИ ИЗ ПОВИНОВАНИЯ

письма
стихи
переводы

Вадим Козовой

**Выйти из повиновения.
Письма, стихи, переводы**

«Прогресс-Традиция»

Козовой В.

Выйти из повиновения. Письма, стихи, переводы / В. Козовой — «Прогресс-Традиция»,

Вадим Козовой (1937–1999) – русский поэт, переводчик, эссеист, провел шесть лет в советском Гулаге. В 1981 году ему пришлось сделать тяжкий выбор – «выйти из повиновения»: находясь во временной поездке во Франции, он решает остаться там навсегда. О первых годах (1981–1982) мучительного вживания в другую иноязычную культуру, о попытках «стать мостом» между двумя великими литературами рассказывает он в своих письмах-дневниках. Кроме писем в сборник входят стихи В. Козового, отобранные им самим для книги «Прочь от холма», прекрасные иллюстрации к которой сделал когда-то Анри Мишо. Последняя крупная переводческая работа В. Козового – цикл стихотворений в прозе А. Мишо «Помраченные» – завершает книгу.

© Козовой В.

© Прогресс-Традиция

Содержание

«СУЩЕСТВО ВНЕ ГРАЖДАНСТВА СТОЛИЦЫ»	5
«След двух прошедших лет»	11
1981 ФЕВРАЛЬ	11
1981 НОЯБРЬ	13
1981 ДЕКАБРЬ-1	22
1981 ДЕКАБРЬ-2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вадим Козовой
Выйти из повиновения.
Письма, стихи, переводы

*Здесь крупитца той самой прозы, которая предписана и запущена
всем моим предшественникам... это лишь набросок, но если бы такие
наброски собрать – СЛЕД ДВУХ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ.*

«СУЩЕСТВО ВНЕ ГРАЖДАНСТВА СТОЛИЦЫ»

Пояснение к публикуемым ниже письмам

17 февраля 1981 года Вадим вылетел из Шереметьева вместе с нашим старшим шестнадцатилетним сыном Борисом в Париж. В то время такая поездка – на три месяца во Францию, да еще не к родственнику, а к поэту, чьи стихи он переводил, да еще для человека, шесть лет отсидевшего в лагерях за антисоветскую деятельность, – казалась чудом, непонятным благорасположением небес. Чудо это, однако, было взято с бою – за право на трехмесячный отрыв

от московской земли Вадим заплатил мучительнейшей борьбой с советскими вершителями судеб, с «пирамидой», с «Пентагоном», который, как говорил он, цитируя «Упанишады», всегда надо штурмовать с «шестой стороны».

Сейчас, слава Богу, даже трудно себе представить, что было время, когда за такую невинную поездку в гости к любимому поэту надо было восемь лет получать бесконечные отказы ОВИРа, писать жалобы, ходить на унижительные переговоры, делать заявления в западной печати, собирать подписи под письмами протеста («Призыв французских писателей в защиту поэта Вадима Козового» в газете «Монд»), давать пресс-конференции, каждодневно рискуя и потерей работы, да и просто свободой. Но слишком сильно у Вадима было чувство независимости, он никогда не мог смириться с натяжением крепостной цепи – «грызть до последнего» было его девизом. И «пирамида» поддалась, «шестая грань Пентагона» дала маленькую трещину: разрешение на трехмесячную поездку «для лечения больного сына» было получено.

Живший, как он сам говорил, только русским словом, русским языком и русской поэзией и столько сделавший для нее, Вадим второй своей духовной родиной считал Францию. Эта любовь зародилась, наверное, в детстве под влиянием отца – историка по образованию, влюбленного во Французскую революцию. Став студентом МГУ, Вадим продолжал быть верным своей страсти: писал работы о «Культе разума и верховного существа», зубрил французский, конспектировал Паскаля... А в мордовском лагере, где ему пришлось провести шесть лет своей молодости, он открыл для себя французскую поэзию, верным рыцарем которой остался до конца жизни. Освободившись, он с головой ушел в работу – переводил Лотреамона, Валери, Мишо, Шара, Реверди, «проклятых поэтов», весьма мало популярных в то время в Советском Союзе. И оставалась несбыточная (по тем временам) мечта – коснуться их земли.

«L'espoir luit comme un brin de paille dans l'âable...» («Надежда, как в хлеву соломинка, блеснула...»)

Как сейчас помню телеграфный бланк, на котором аккуратными латинскими буквами выписывал Вадим эти стихи Верлена... Это было на московском почтамте в августе 1980 года, куда он побежал сразу же после очередного (на этот раз – последнего!) разговора с высоким лицом в КГБ, которое, наконец, соизволило снизить до милостивого разрешения. Помню и адрес на телеграмме – Франция, Воклюз, Иль-сюр-Сорг, Рене Шару... Мы встретились с Вадимом у входа на почтамт – он был взбудоражен, потрясен, вернее, ошарашен. Восемь лет биться головой об стену, требуя поездки, и вдруг – «обещанная визитная карточка Навуходоносора», как горько обозначал он цель этих восьмилетних мытарств в своей поэтической книге, почти на руках...

Приемщица в окне «международной корреспонденции», не моргнув глазом, пересчитала «знаки», выписала квитанцию, и телеграмма полетела.

Поразительно, но Рене Шар откликнулся стремительно и теми же стихами Верлена: «L'espoir luit comme un caillou dans un creux» («Надежда, как в песке гольш, светла») – таков был текст телеграммы, полученной на Потаповском буквально на следующий день.

Ко времени своего отъезда во Францию Вадим был уже известным переводчиком французской поэзии и автором вышедшего в Лозанне в издательстве «L'Age d'homme» сборника стихов «Грозовая отсрочка». Была готова и вторая поэтическая книга со знаменательным названием «Прочь от холма», которую он собирался издать там же. Вынашивались и планы третьей – «Поименное» (вышла в 1988 году в Париже в издательстве «Синтаксис»),

«Грозовая отсрочка»... Это цитата из стихотворения Рене Шара:

Гонец в кровавой хватке западни,
по истеченьи ГРОЗОВОЙ ОТСРОЧКИ
без порыва сжимаю тебя, без оглядки, о любовь
проливная, созревшая весть.

Поэтический темперамент Рене Шара был всегда близок Вадиму, который находился под сильным влиянием этого мощного голоса. И потому в собственных стихах Вадима 70-х годов чувствуется напряженная, несколько отстраненная «шаровская» патетика.

В 1973 году в Москве в издательстве «Прогресс» вышли его переводы стихов Шара, а также поэзии Анри Мишо, которого Вадим первым открыл русскому читателю – незабываемый Плюм в журнале «Иностранная литература». Прогрессовский сборник он послал во Францию – и так завязалась интенсивнейшая переписка с двумя величайшими французскими поэтами XX века Рене Шаром и Анри Мишо. В эти же годы Вадим открыл для себя прозу Мориса Бланшо. Потрясенный книгами Бланшо (их привозили знакомые французы), он написал ему в Париж. Переписка с Морисом Бланшо, продолжавшаяся до самой смерти Вадима, – необыкновенный человеческий и литературный документ. (К сожалению, по не зависящим от меня причинам я не могу сейчас ее опубликовать. Ее время еще не настало.)

Можно представить себе, каким глотком свободы, выходом в другой мир, были все эти письма, приходившие на Потаповский в мрачные годы брежневской безвременщины!

Сразу же по получении прогрессовского сборника Рене Шар прислал Вадиму свое первое приглашение посетить Францию, погостить в его деревенском доме в департаменте Воклюз в Провансе. Причем не одному, а с женой – «с женщиной», как было написано (русскими буквами!) на доморощенном консульском бланке. Последовал отказ, за ним – новое приглашение, опять отказ – «нецелесообразно» – и так восемь лет борьбы! И наконец «для лечения больного сына» разрешена поездка на три месяца, тем более, что в России остаются «заложники» – жена и младший сын...

Эти три месяца обернулись почти двумя десятилетиями жизни в Париже, мучительно трудным вхождением в чужую среду, в иноязычие, в мир, во многом отличный по своим ценностям от всосанного с молоком. И можно сказать, что, несмотря на то, что Вадим был человеком «междумирья», двух культур, свою миссию моста между которыми он отлично сознавал, до конца своих дней он не изжил этого дуализма, «сидел между двух стульев», и чувство разрыва, отрыва от родной почвы, окрашивало все его существование – недаром сборник своих замечательных эссе он назвал «Поэт в катастрофе». И недаром так любил он гоголевское выражение – «существо вне гражданства столицы», применяя его к себе и себе подобным.

Особенно тяжелыми были первые месяцы – ведь у Вадима на руках был больной сын-подросток. Ответственность за его судьбу камнем давила на сердце. Поэтому столь мрачен, порой близок к отчаянью тон многочисленных писем-посланий, которые он, нуждавшийся в постоянном самовыражении, направлял в Москву при первой возможности.

Итак, февральским днем 1981 года Вадим и Борис приземлились в аэропорту Шарль де Голль. Наши друзья – замечательная семья Татищевых, Анна и Степан, – встретили их и отвезли в свой дом в пригороде Парижа, в Фонтене-о-роз. В этой гостеприимной самоотверженной семье прожили они первые месяцы.

Спустя несколько лет Степан так вспоминал об этом времени: «Переночевали. На другой день я проводил Вадима на станцию, купил ему билет на электричку и сказал: “Помнишь Растиньяка, который приехал завоевывать Париж? Вот он перед тобой. Ты – юный Растиньяк. Давай, покоряй!” И посадил его на поезд».

Но нашему Растиньяку было в ту пору сорок пять лет, и столько горя позади. Завоевание Парижа обернулось и победами, и поражениями. «Мильон терзаний» ожидал его, как сам определял он это свое «вживание». Так можно было бы озаглавить и эту книгу. На его руках больной подросток, плохо говоривший по-французски, а потом и вовсе погрузившийся в беспробудное молчание – травма от перемены обстановки. Кроме того, Вадим приехал в период, когда французская медицина была в угаре «антипсихиатрии». Не во всех случаях этот метод

оправдывает себя. Начались метания от одного светила к другому, надежды, разочарования... В конце концов Боря нашел свое место в интернате под Парижем, где и живет до сих пор.

Бездомность, безденежье... Болезненный разрыв с Рене Шаром. Их «роман», так окрасивший затхлое московское десятилетие, при личной встрече обернулся катастрофическим несовпадением вкусов, темпераментов, позиций. Может быть, как говорил Вадим, Шар «плохо постарел». А может, все гораздо проще? Часто ли личная встреча после многолетнего заочного общения перерастает в дружбу? Вспомним «невстречу» Цветаевой и Пастернака после их страстного эпистолярного романа, страх перед даже мимолетным свиданием Чайковского с фон Мекк и многое другое... Во всяком случае конкретные причины этого разрыва остаются за пределами данных писем. О них можно только догадываться. Чудом, скорее, является другое – когда участники переписки становятся друзьями и в жизни. Таким чудом была наша с Вадимом встреча после его выхода из лагеря. Таким чудом стала помощь и самое сердечное участие замечательных французских писателей и прежде всего Анри Мишо и Мориса Бланшо.

Этим двум знаковым фигурам французской культуры XX века в данной книге посвящено много страниц. Они стали читателями Вадима, его собеседниками (Бланшо, ни с кем никогда не встречавшийся, помогал издавать – почти ежедневными письмами). Мишо, который, по словам Вадима, как никто другой во Франции, «почувствовал» его поэзию и как истинный друг отозвался «делом», – выполнил замечательные иллюстрации-гуаши к двуязычной книге Вадима, шедевр своих последних лет. Легкость и красота линий этих рисунков говорят о неувядаемом таланте мастера, а ведь ему было в ту пору уже семьдесят три года.

Таким же чудом стали встречи и с другими писателями Франции – Жюльеном Траком, Жюльеном Грином, Жаном Кассу и дружба с более молодыми – Жаком Дюпенем и Мишелем Деги. С этими двумя замечательными французскими поэтами, своими друзьями, Вадим проводил долгие вечера, а иногда они засиживались и за полночь, пытаясь «втиснуть», «вколлотить» кое-что из своей поэзии в каркас французской (письменной по преимуществу, как без конца сетует он на этих страницах) речи. Страстный во всем, Вадим с головой уходит в эту «борьбу» с французским языком, гений которого столь отличен от русского. Широко известно поразительное по точности, снайперское определение этого различия, сделанное Пушкиным мимоходом, в заметках о переводе Мильтона Шатобрианом. Можно вспомнить и Тургенева: «Русский язык удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех свойств – честности, простоты, свободы и силы – нет в народе, а в языке они есть». Удался ли Вадиму и его двум друзьям (картина действительно символическая: три разноязычных поэта в поисках незнакомого, но общего троим языка – «башкой о вавилонскую стену») этот труд? Стала ли эта книга победой или поражением Вадима? Знаю только, что Анри Мишо почувствовал силу его стихов по этим переводам и иллюстрации его – тому доказательство. «Я хочу быть на уровне этой поэзии», – писал он.

Книга «Hors de la colline» («Прочь от холма») вышла в 1983 году в издательстве «Hermann». Послесловие к ней написал Морис Бланшо. Мучимый вековечным вопросом, есть ли будущее у поэзии, Бланшо так и озаглавил свой текст: «Восходящее слово, или Достойны ли мы сегодня поэзии?»

Именно поэзия Вадима, как пишет Бланшо, «заставляет сызнавать связь между ужасом и словом». Указывая на ее «особый истребительный пыл и еще более истребительную нежность», он выражает надежду, что эти стихи «исподволь готовят иные времена». В разных статьях своих последних лет Бланшо часто цитирует поразившие его строки Вадима: «Поэзия – кратчайший путь между двумя болевыми точками. Настолько краткий, что ее взмахом обезглавлено время».

Можно сказать, что несколько – но каких! – читателей во Франции Вадим нашел. Не зря бился он «башкой о вавилонскую стену».

С последним утверждением в письме Тургенева Вадим вряд ли бы согласился. Он всегда был «славянофилом», безумно любившим Россию, ее культуру, ее «гений». Он верил, что это страна огромных человеческих возможностей, что большевистскому холокосту не удалось выжечь ее живое начало. «Нет, ни с Розановым не соглашусь, ни с Мерабом (Мамардашвили. – *И.Е.*): русская литература и русская совесть не на пустом болотном месте возникла», – пишет он в одном из писем. «Воздух бедствий», которым веками дышала несчастная страна, особенно в кровопролитное последнее столетие, был воздухом его поэзии, вся она – горячий сгусток сострадания.

Вот он разглядывает альбом (французский) с фотографиями предреволюционной России. «Господи! – вырывается как стон, как вопль. – ЖИВАЯ страна! И какие вдруг попадают лица! Какие дети (мальчишки-кадеты) – прелесть! Всех перебили, втоптали в гнойную беспробудную землю!.. Страшно становится, когда видишь на фотографиях Живые лица Живых людей. Это ведь было! И будущее у них было! И невозможно (а нужно!) смириться с мыслью, что, оказывается, НЕ БЫЛО: вонючая яма, даже не братская могила».

Но Советский Союз 80-х годов своим затянувшимся гниением внушает настоящий ужас. И как перед сотнями русских, оказавшихся в подобной «временной» поездке за рубежом, перед Вадимом встает роковой вопрос: вернуться или остаться? Он без конца меняет решение. Эти метания превращаются в навязчивый невроз, раздражают друзей. Да, он был действительно тем, что называют «семь пятниц на неделе». Правда, сам формулировал это несколько иначе – словами Розанова: «Я был и всешатаем и непоколебим». Или – «существом вне гражданства столицы».

Жизненные обстоятельства также толкают к эмиграции. Психиатры настаивают на длительном лечении сына, вселяя надежду на улучшение его состояния. Удастся и переменить жилье – осенью 1981 года Вадим с Борей поселяются в общежитии для художников-иностранцев, Сите-дез-ар, на берегу Сены в самом центре Парижа. Окна этой комнаты, почти без мебели, заваленной книгами и бумагами, выходят на шумную набережную, где даже ночью грохочут машины. Там прожили они два года – 1982-й и 1983-й. Оттуда продолжали приходить письма-послания, похожие, скорее, на дневник. В одном из них он написал: «Знаю, в этих письмах тебе (и отчасти Морису) среди нытья, шелухи и гнилого мусора можно выбрать страницы, “готовые к публикации”... здесь крупницы той самой прозы, которая предписана и запущена всем моим предшествующим... это лишь набросок... но если бы такие наброски собрать... СЛЕД ДВУХ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ».

Я не стала выбирать из этих посланий отдельные фрагменты. За исключением мелких сокращений, касающихся исключительно бытовых деталей, письма печатаются полностью – тем живее звучит голос вечно неприкаянного, бунтующего, оспаривающего все и вся поэта, для которого единственным домом всегда был только письменный стол, горящая всю ночь лампа и машинка, на которой в ночь своей смерти (22 марта 1999 года) он печатал так и не завершённый перевод «Озарений» Рембо...

В сборник вошли стихи, составляющие книгу «Прочь от холма», выбранные самим Вадимом для французского издания «Hors de la colline», те, чью «истребительную нежность» почувствовали Мишо и Бланшо и, надеюсь, почувствует и русский читатель.

Завершает книгу поэтический цикл А. Мишо «Помраченные» («Ravagé»), одна из последних переводческих работ Вадима, и статья Бориса Дубина «Человек двух культур».

То, что Вадим выбрал для перевода именно этот цикл стихотворений Анри Мишо, – не случайно. В этом выборе сказался горький опыт его двух парижских лет. В лице Мишо он нашел союзника. В своих текстах французский поэт сумел проникнуть в тайное тайных человеческой психики – той, что мы привыкли считать больной, асоциальной, прикоснуться к самому нерву страдания, угадать, как писал Вадим в статье «Анри Мишо, близкий и далекий»,

в этих людях «несомненные формы сопротивления стихии... Эта книга освобождает от наваждения не только того, кто ее писал, но и отдавшегося ей читателя».

Ирина Емельянова

P.S. В письмах к человеку, понимающему его с полуслова, неизбежны синтаксические и орфографические «огрехи», которые не всегда нуждаются в правке. И хотя даже в письмах Вадим был необычайно внимателен к своему русскому языку, подобные «нескладицы» встречаются и у него – но тем живее поток его темпераментной речи.

Что же касается довольно часто попадающихся французских цитат, то крупные, значащие фрагменты приводятся по-русски с оговоркой: «В оригинале по-французски». Если же это короткие названия, смысл которых ясен из контекста, сохранено французское написание.

Комментарии расположены непосредственно за каждым письмом.

В своих посланиях Вадим неизменно обращается к поэзии – своей и чужой. «Бесконечное самоцитирование» – так сам он определяет свой эпистолярный стиль. Составитель не счел нужным каждый раз давать ссылку к тому или иному его стихотворению – это нарушило бы цельность интонации, придало ненужную академичность. Поэзия и повседневная жизнь сплетены в этих текстах неразрывно.

Декабрь 2003-го, Париж

«След двух прошедших лет» ПИСЬМА 1981–1983

1981 ФЕВРАЛЬ

...Это тебе на прощанье, надеюсь твердо и, как умею, упрямо, что скоро тебя (и Андрюшу) встречу в Орли или Бурже.

Перемена мест¹

Посрамленное солнце рыло себе яму. Рыжие сумерки ему не препятствовали.

Когда выскочила из-за угла ласточка-акробатка и набросилась, жжжик, жжжик, на догорающего крота.

Эпоха к чертям опостылела. Учебники медлили и преспокойно жухли.

¹ Стихотворение В. Козового, впоследствии вошедшее в книгу «Прочь от холма».

Тогда выглянул в окно бессонный и болезненный мальчик. Егорка, Васек или Федька, он попросил акробатку об имени-отчестве вчуже не вспоминать. Он сказал ей без голоса, чтобы самоубийцу оставили в покое и чтобы времена, под хламидой сумерек, на минуту увиденного считались последними.

Учебники вместе с учителями истлели на складе в зачарованном лесу. Жизнь, плюнув, ушла по грибы.

Мальчик был некрасив. Крот этого не знал и поверить этому не мог, укладываясь в долговременную могилу. Мальчик без имени был красив.

Эта могила казалась пучеглазым звездам ночной и плоской забавой. Одна только медведица шелохнулась в испуге за свою мозглявую дочку. Но страх, мигом скукожившись, уступил место протяжной заботе, как это бывает всегда – постоянно, когда на руках у тебя – любимые и единокровные до глубины печенок.

16 февраля 1981

1981 НОЯБРЬ

...Что еще добавить к моим многочисленным письмам и телефонным звонкам? В сущности ты все знаешь: положение настолько запутанное, что сам черт ногу сломит. Ас Борей*, во всех смыслах, трудно; в этих условиях – до помешательства. Уже три недели пытаюсь ответить Морису Бланшо* на его конкретные, полные тревоги вопросы... Не могу. Нет ответа! Настоящее запружено чудовищными непролазными головоломками; будущее темно, чревато всяческими опасностями.

Пишу ночью... Ценою жутких бессонниц... Но что делать? Кое-какие просветы. Деньги на книгу (пожалуй, на третью тоже), кажется, есть. «Холм»* уже в наборе. Третья* пойдет следом (надо подсократить и добавить, но когда?). Мишо* сделает для «Холма» 2 рисунка: титул и обложка. Я примерно объяснил ему, что нужно. К французскому изданию (если...) сделает специально большие литографии – тоже по моему замыслу. Мы с ним разглядывали его литографии; он надарил мне целую кучу и еще подарит. Относится он ко мне прекрасно, очень прислушивается и каким-то сверхсказочным чутьем угадывает – через «меня» и слабые (на мой взгляд) переводы – мое поэтическое. Часто вспоминает Целана*, с которым был дружен... И чувствую какое-то родственное ко мне отношение.

...Тобою занят здешний МИД. Послу дадут на днях указания. Увидеть Миттерана? Увы... Вряд ли... Это почти то же самое, что встретиться с Брежневым. Робер Антельм* (друг его со времен Сопротивления, муж Моник) с ним давно не встречался. Можно попытаться. Но легче будет встретиться с кем-то из его помощников в Елисейском дворце. По сути это то же самое. И там тоже старые друзья.

В консульство схожу на днях. Заранее знаю, что ответят. «Продлить визу? Но мы не имеем права. Запросим Москву. Придите в январе. Жена? Но мы тут ни при чем. Решают в Москве». Тем не менее пойти, со всеми бумагами (в т. ч. письмо министра Жюльену Грину*), необходимо. Решать буду потом. К тому же подозреваю, что ответить могут и резко; если у них уже есть московские указания, начнется грубый шантаж. Кто надо, будет предупрежден. Не беспокойся.

...Деньги. Очень тревожно. Махонькая постоянная помощь имеется. 4-го решится вопрос насчет стипендии. Боюсь загадывать. Помогли все: Грин, Грак*, Мишо, Дюпен*, Морис, Мишель Деги*, Кассу*, Сувчинские*... Все, кроме Шара* и его подруги Тины*, о которых думаю уже не столько с обидой, сколько с отвращением. Говорю о помощи не материальной (хотя и она важна) – душевной, дружеской, деловой.

Многие участвуют в подписке на книгу. Морис (небогатый!) переплюнул всех и спрашивает Мишеля, не нужно ли еще. Шагал 1000 фр. прислал. Питер Брук, Френо и др. А комитет такой: Морис Бланшо, Мишо, Грак, Мишель Окутюрье*, Аня Шевалье*, Деги, Дюпен, Петр Сувчинский. Особенно Жак Дюпен помогает. Шару я заранее написал – нет ответа. Еще раз написал. Молчание. Из Антиба – пересилил себя – написал, что могу на денек заехать... Ни ответа, ни привета. И Тина совершенно исчезла. Ну их! Грин извинялся: мол, не вошел в подобный комитет по изданию Маритена (его многолетнего друга). Да и впрямь: к моей поэзии, при всей преданной дружбе – какое может быть у него отношение? Но привязан ко мне очень, пишет мне с Эриком* из Швейцарии (где сейчас находится), заняты всеми моими и особенно Борькиными проблемами... Когда-нибудь прочтешь, вероятно, обо всем этом в его дневнике. Надписанную Андриюше книгу* я, откровенно говоря, не читал. Читаю «Монд» и ночью – детективы. Страдаю нестерпимо без работы, без чтения и поэзии.

А работа возможна. С помощью, которая у меня есть, я бы, вероятно, не пропал. Хотя найти здесь работу для «безрукого» иностранца – невозможная задача. Тем не менее. Кое-что временное, одноразовое и весьма небезынтересное предложено полтора месяца назад –

благодаря рекомендации Трака. Но все это время, за исключением десятидневной поездки на юг, жизнь была (и остается) безумной; работать не мог и все еще не могу, даже не позвонил.

Квартира*... Тут безумно трудно. А жаловаться на неудобства жилища попросту непристойно: я уже счастливчик, ведь живем мы в самом сердце Парижа...

Обедаю, как правило, в дешевейшем ресторанчике: pieds noirs², евреи, но не кошерные. Очень симпатично; завсегдагаи часами играют в карты, домино... Хозяйева меня знают, угощают кофе бесплатно (впрочем, ведь копейки... но приятно), болтаем о том, о сем. Такое же привычное место – маленькая лавочка, где обычно покупаю продукты на завтрак, ужин. Район удивительный! В двух (буквально) шагах от меня – книжный магазин, в основном – поэзия и прочее, на отличном уровне. Там тоже – друзья. Но забегая на 5 минут, изредка... А хотелось бы порыться в книгах.

Видел Франсуазу*. Много вещей она взять не может, но кое-что возьмет. Жаклин Абенсур* хочет послать Андрюше подарок и поможет выбрать маме кофточку. Мелетинского* мы встретим с Бремоном*; он заедет за мной на машине... Иначе не доберусь в этакую даль. Леви-Строс* ждет, я ему звонил.

Ничего я, Ириша, не забываю о «проклятых» и «трижды проклятых». Просто не считаю нужным об этом писать. Мое возможное решение, как можешь понять, связано и с этим, не только с Борей, хотя – клубок, разобраться не в состоянии. Против остаются прежние доводы плюс опыт плюс (главное): ты с Андрюшей. Многое будет зависеть от ответа в консульстве. Ползать, изворачиваться не стану. Но не следует терять голову: трезвость прежде всего!

Ты предлагаешь отказаться и отправить Борю в Харьков? Но именно этого просит в нем «больной человек». Т е. остаться маленьким. Поверь, сам Боря с этим маленьким борется. Высыпается. Ест теперь лучше (а ведь витамины какие!). Не в этом дело... Как ему ни трудно, он постоянно отвечает мне, что хочет еще тут остаться. Ты знаешь, как ему трудно, мучительно трудно выбирать. Но в этом – тверд. Не преувеличиваю. Надо считаться.

Прости, что пишу деревянным языком. Почти Борин словарь: «трудно», «прекрасно» – совсем отупел. Надо и о себе подумать. Груздем-то я назвался... Но в кузов не желаю!

Бедняжка... Вижу, переписал «дурацкое» (сам так назвал) письмо бабушке на другой открытке. Столь же «изящно», однако кое-что явно нелепое исправил.

Слушает он меня с вниманием поразительным, многое верно схватывает. Не знаю, право, что скрывается в его «личности» (нет, без кавычек!). Жерар Абенсур уверяет, что Боря понимает быструю французскую речь... Но за общим разговором следить не в состоянии. Степа* давно обещает свозить нас в Реймс или хоть в Фонтенбло... Пока не получается.

Посылаю фотографии... Какие есть. Надо попросить кого-нибудь, чтобы запечатлели мою физиономию. М. б. знаменитый фотограф, который снимал Мишо (см. в «Les Cahiers de l'Herpe» – с сигаретой). Но когда???

Жоржика* на днях, вероятно, увижу. Звоним друг другу, с Люсиль* перешел на ты... Очень хотелось бы еще раз к ним выбраться... Да и на Ривьеру!!! Ведь огромная квартира ждет!!

Потрясающий документ в «Монд» – письмо родителей 14-летнего безумца (у них еще двое детей) против «антипсихиатрии» и конкретно Ленэ (психиатр). «Чем мы виноваты? Чем виноваты наши здоровые дети? Позвольте и нам жить по-человечески, спасите нас от разъяренного сумасшедшего, который превратил нашу жизнь в ад!» Абсолютно согласен. По-моему, антипсихиатрия – бред. Кое-что разумное в применении к таким, как Боря, но в иных случаях... Виновата, видите ли, среда и прежде всего родители (отец или мать или оба вместе): «угнетение». Нет, дайте безумцу волю, назовите его другим именем... и...и...и... ну, а дальше? Толковал с Мишо на эту тему.

² Букв.: черные ноги (франц.). – Речь идет о французах, выходцах из Алжира, возвратившихся во Францию в 1962 году.

Еще одно, Ириша, насчет груздя. У нас с тобой общая дорога, но ведь судьба различная. Страдаешь ли ты, как я, оттого, что не пишешь? Нелепый вопрос. Однако ты все прибегаешь к столь же нелепой уравниловке... Молча или вслух, ты бесконечно упрекала меня в отношении детей и пр. Быт, домашние дела, бессонница... И есть также глубинное, дремучее, растительно-биологическое: не легче ли тебе жить монашенкой, чем мне – монахом? Тысячекратно! Сколько свар и загубленных дней выросло на этой скользкой глинистой почве! И ведь держусь! И ведь не только свары... Многое, из самого лучшего, что написал, – на той же почве! Знаю. Иначе не умею.

...«Забыть прошлое»? Нет, уважаемый генерал*, оно меня не забудет. Видел тут один фильм («L'ombre rouge»³) – все во мне всколыхнулось. Процессы, террор, предательства – и преданная красота («кобелиное слопало с потрохами вымя – чижика моего»). Поэтому Морис мне ближе остервенелых и отпетых умников (какой уж тут ум!). Морис – родной (и Мишо, говоря о Целане, коснулся того же), а они, со всеми их ненавистническими идеями, вывезенными в нетронутым виде из России, – свора пустобрехов. Единственное: не ищите (Морису говорю), красота предана раз и навсегда; при всей моей симпатии к польской революции, знаю, что... не революция. Ах, долгий это разговор. Но тоска по ней – красоте – ностальгия! – остается. В каком-то смысле я сын эпохи (и со мною – немногие), которая стерта с лица земли, которой, может быть, никогда и не было.

Акакию* послано множество заказанных им книг. Получил ли? Спроси Дуду*. Если нет, еще повторим. Кому нужны книги на иностранных языках, пусть пишут списки и дают адрес. Это сделаю бесплатно (разумеется, не уникальные редкости).

Вчера видел Жана Hugues* (крайне редко вижу). Уверяет, что Рене (Шар) был в Париже, ему не звонил (я-то знаю, что он к нему относится как к лакею... Хотя многократно зависел от него денежно). Ладно. Никакого желания гадать... Да и зачем гадать, какую чепуху он избрал, чтобы «надуться», а в сущности оправдать свое предательство*? Сознаюсь, в своих письмах из Парижа я выражался порою резко, неуступчиво, но тому причиной не самолюбие, нет, а чувство достоинства. В придворные (в том числе и к больному бирюку) я не гожусь, и он это отлично знает. Лицемерить с ним нет никакого смысла. Уж лучше не общаться вовсе.

Выдержу ли? Не уверен. И не сравнивай. Порою чувствую – конец. Потом снова лямка... Никакой жизни у меня нет. Но теперь и на субботу-воскресенье не могу надеяться. Анна Татищева сказала, что они «не могут» – Боря молчит, просиживает часами в своей комнате – им тяжело, понимаю! Да и отдохнуть нужно, и свои дети. Иногда, быть может. Порой на день – и Жерар Абенсур. А у меня масса дел; даже если на время (тем более)... Жизнь в нашем-то смысле началась с нуля. Это трудно объяснить: невозможно. Как быть? Кухни нет. Борю нужно кормить. Да и одному хочется побыть вечером. Ни разу никого не позвал сюда. Невозможно! И работать надо! Совсем перестал смеяться, улыбаться. Живу монахом и, как можешь догадаться, не по недостатку темперамента или избытку морализма. Но дороги назад нет. Остановиться на полпути с Борей, его «лечением» невысказано. Даже отослать в Россию – то есть сдать – нельзя. С кем? Сам я не хочу возвращаться ни завтра, ни послезавтра. Почти восемь лет потратил на эту борьбу, и вот... Только для третьей книги (срочно!) необходимы минимум 2 недели сосредоточенной работы. Да еще неделя, чтобы в эту работу войти. Когда последний раз был у Мишо, минут 15 молчал или мычал, не в силах собраться с мыслями. Снотворные на исходе. За окном – адский грохот. Опять нужно клянчить... Да не забыть, т. к. память выветрилась. Интернат? Ну, буду искать. Абсолютно не надеюсь. Есть один хороший (кажется) интернат, но далеко в провинции. Ведь Борю надо показать, самому посмотреть, что это такое... Для начала. Не знаю, как быть. Магазины, магазины... Холодильник крохотный. Сегодня купишь – завтра утром съедено. И это в «рабочий» день. Взрываюсь иногда – не

³ «Красная тень» (франц.).

без причины, поверь. Но вообще держусь, с Борей нежен, даже чересчур порой, он ведь для меня как маленькое дитя. В Лувре мы с ним были, в Centre Beaubourg (Paris – Paris) были, на огромной выставке готики были. Часто каникулы (ох!), шляемся с утра до вечера. И при всем том уезжать (пока) не хочет... Надеется. Недавно, впрочем, и я развеселился (после готики, отвезя Борю): на концерте, где слушал Гиллеспи и фантастического саксофониста. Об этом писал тебе. Мне бы разгуляться где-нибудь, взыграть... И среди людей, и на бумаге. Где там! Никак не выберусь в книжный (советский) магазин купить для Мишеля Деги «Новые голоса»* (если есть), а Борьке франко-русский словарь. В музей импрессионизма. На Монмартре ни разу не был, хотя вообще-то Париж знаю хорошо, а некоторые места – отлично, могу вслепую передвигаться.

Степан тебе, кажется, летние Борины фотографии передал. Если не получила, сообщи. Книги... Книги... Дарят без конца. Куда мне столько? Ведь не читаю ничего.

А все же Борька доволен своим центром*. У меня тоже настроение улучшилось. Сегодня они были в кино. Мы с ним «поговорили» и сходили вместе за продуктами. Да, это очень важно: ему там нравится, а в школе последнее время (признался) страдал. Вечером я был у очень симпатичного издателя (Bordas – энциклопедии и др.), брата Даниэль Бургуа, у которой на юге гостил. Семья прекрасная. Этот брат женат на чешке; все наши дела знает; дружит с Жаком Амальриком*. Был (в ужасе) на книжной ярмарке 3 года назад. Другой брат – Кристиан Бургуа (так и называется издательство; смотри, в частности, серию 10x18). Будут всемерно помогать, в том числе и работа возможна, если... Это не шутка. А через несколько дней встречусь по соседству в кафе с фактическим вице-министром иностранных дел (помнишь, звонил мне, когда Барр* приезжал?). Сегодня договорился по телефону. Много общих друзей. Положение мое – и твое – знает. Можешь быть уверена: шаги предпримут и все возможное сделают. Но хотелось бы не сжигать мостов.... Продлить визу подольше... Вас выгнать.

Учитывая стипендию, я вполне обеспечен по май месяц. Думаю, и дальше что-нибудь найдется. Но... Посмотрим в консульстве.

Будут (обещано сегодня) искать Борьке хорошее неэкспериментальное заведение. Конечно, если бы мы тут жили с налаженным бытом, с обеспеченным тылом, я бы, пожалуй, не стал забирать Борю из Centre Etienne M. По его рожнице, по ответам вижу, как он доволен. Но сам справиться не в состоянии, да и ему плохо. И учитывая вероятное возвращение в логово зверя...

Обо всем тебе сообщу и постараюсь максимально облегчить твои заботы.

...После разговора с тобой (от Ани). Снова беседовал с Борькой. У них было очередное собрание: каждый говорил, что ему нравится в центре, а что не нравится. Боря меня уверяет твердо – в ответ на мой провокационный вопрос, – что тут в центре ему больше нравится, чем в московской тткколе. Ведь это, черт подери, невероятно важно!

...Обедал с Мишелем Деги. Был в галерее у Жака Дюпена. Надо срочно переводить: страниц 50 (больших) достаточно, с литографиями Мишо у Магта*. Жак к нему ходит; обсудим. А «Повесть о карлике» (перевод) пошлем Миро; к сожалению, сейчас у Магта склока (сын, наследство), и Миро держится в стороне, а то бы – по просьбе Жака – тотчас согласился. Увидим. Но надо работать!!! Целую крепко, тоскую. И люблю.

P.S. Был в консульстве (до 12-ти). Даже во дворе охрана. Ладно. Встретился с молодой бабенкой, которая продлила визу в апреле и меня вспомнила. Показал бумаги, рассказал. В ответ: «Ах, ах... Ну конечно, вы же не можете его бросить. Значит, вам нужен еще год?» Я кивнул, и казалось, вот-вот оформят. «Володя, посмотри». Молодой, с неглупым лицом. «Сейчас схожу к консулу». Вышел и тотчас возвратился: «Его нет. Вы можете оставить нам бумаги?» Я: «Разумеется. Для вас и принес». – «Позвоните в понедельник. Знаете, сегодня такой день... У нас прием». Я киваю. «Но думаю, что придется запросить Москву». Вот оно! Этого я и ожидал. «Напишите заявление, пожалуйста». Написал (в том числе кратко и о тебе). Короткий разго-

вор: о министрах, которые участвуют, об астрономических суммах... Володя: «Ну, знаете, у них ведь *sécurité sociale*, они ничего не платят». Я показываю наши *cartes de sşour*: «Вот, на всякий случай у французов запаса. А то боялся, не продлят. Но мальчик болен, история широко известна...» Девица: «Да нет, французы продлевают без труда. Особенно армянам (*sic!*). Не в них дело...» Увидим в понедельник. Но знаю наперед: запросят Москву, долго не будет ответа, а потом – отказ. Володя: «Вы хорошо сделали, что пришли заранее». Я: «Нельзя тянуть. Врачи требуют немедленного ответа. Мальчик больной – не игрушка». Среди принесенных бумаг – письмо министра Ж. Грину насчет *la prise en charge* (государственное обеспечение). «Дорогой академик...» и т. д. Увидим, наше дело правое. Эта история вконец истрепала мне нервы.

По соседству купил Андриюше большую и забавную полицейскую машину. Возьмет ли Франсуаза? Уж слишком велика. Бегал по магазинам (продукты!), обедал у Гольденберга. Истратился! На телефон уходит по 3 часа в день. О тебе... В следующую пятницу Жорж придет, будем с ним обедать. Каждый день расписан поминутно...

...Кошмар! Отдохнуть днем не удалось. Два часа побыл с Борькой, право же, у меня есть с ним контакт и общение (учитывая...). Снова он мне рассказал вкратце о проведенном дне: доволен. Завтра поедем к Степану, а затем, вместе с Анн, – в Фонтенбло (в Барбизон, увы, не успеем... Рано темнеет). Звонил Моник: она выпрашивает для меня снотворные. Но может только в обед (т. е. в час дня)... А у меня все дни на след, неделе заняты; Жорж «забрал» последний. Морису уже месяц пишу урывками длинное письмо. Марьяна Сувчинская звонит регулярно, хотя их не вижу совсем (уже больше 3-х месяцев). Раздраконила мою третью книгу: лубок и проч. Неприятно. Я ей говорю: «Эта книга засорена слабыми вещами, на уровне самопародии, что не отменяет главного». Но на всех не угодишь, и если я уверен, никто меня этой уверенности не лишит. Но многое ей все же нравится, не говоря уж о «Холме». Надо срочно третью книгу очистить и достроить. Вечером не успел на концерт (фестиваль джаза) Сесил Таулор. Пошел на кино-джазо-фестиваль по соседству. Сеанс – через 1,5 часа. Каковые провел (тоже рядом, в двух шагах) в Centre Pompidou. Выставка новых вещей Дюбуфффе* (говно). Постоянная выставка – без конца можно смотреть, тем более что экспозиция регулярно меняется. Изумительный Цадкин (скульптор). Пикассо без конца ошеломляет («Confidences» – никогда не видел). Уйма первоклассных шедевров... Но *dii minoris*⁴ «Парижской тгтколът» (Кислинг и др.) – отвратительны. Очень хороший (кроме, пожалуй, акварелей) зал Миттто. Я, б. м., сделал ошибку. Надо было тушь попросить. Это у него самое сильное.

Несколько фильмов о джазе. Сонни Роллингс (1973) на джазовом фестивале. Jam-sessions со звездами 50–60 годов: изумительно... В т. ч. атмосфера. Count Basie с приглашенными. Джимми Рашинг поет. Потом Билли Холидэй с Хопкинсом, Маллиганом, Янгом (!!!) Блюзы. И маленький фильмик: датский джаз-клуб, где известный саксофонист Dexter Gordon с замечательным контрабасистом и др. – вариация на тему... «Дорога длинная». О концерте Гиллеспи я тебе писал – великолепный. Знаю, что мне нужно это «вульгарное»... Говорил об этом Мишо; в этой вульгарности – биологическая «правда», тогда как в бумажной эквилибристике, особенно когда она застывает и «красуется» в стиле – неестественность (природа не хочет знать стиля). Оттого, может быть, постоянно меняюсь.

Фонтенбло – красота! Дворец весьма уютен, хотя порой уж чересчур громоздко. Прелестная комната бедной Марии-Антуанетты. Все наполеоновское – уродливо, кроме лестницы, на которой он стоял, прощаясь со своей гвардией (но построена она была за несколько столетий до того). Изумительный парк, особенно сейчас, осенью (холодное солнце).

...Просидел вечер у Грина; разные планы строили... Следующий раз Эрик нас вместе с Грином снимет, пошлю. Он мастер по части фото. М. б., и с Борькой, если удастся его взять днем. Утром я расстроился, пытаясь проверить его знания по-французски. Уж очень

⁴ Малые боги (*лат.*).

скверно! Оттого-то – вижу! – и замолкает в двуязычной (с уклоном к французскому) татишевской среде. У меня на все не хватает сил. Ах, как надо заняться третьей книгой... Выйти из отупения, выбраться из этого водоворота... Ведь просто погибаю!.. Но возврата нет (не буквально), вперед и вперед. Прежде всего, выбрасываю пустословие и словесные побрякушки: «О жокеях», «Простыня», «Равновесие» и др.; подсокращу (еще в Москве собирался) «Двойников». Добавлю кое-что в поэтический раздел. Уединиться бы немножко! А сперва распутать ложный финансовый клубок, связанный с «Холмом». Невозможно в письме объяснить. И сколько все это отнимает времени! Без преувеличения, сумасшедшая жизнь. Тем более еще не хочу возвращаться: и ради наилучшего Бориного устройства, и в надежде на передышку и работу. О вас думать – с ума сходить. Схожу. Не сплю. Оттого-то в этом письме столько глупостей, пустяков и несообразностей. Не суди строго.

Звонил в консульство. Ответчено сухо: «Мы этот вопрос не решаем. Бумаги отправлены в Москву. Об ответе известим». Дальнейшее ясно. Будут трепать нервы до последней минуты, а затем ответят отказом – со всем, что из этого вытекает. Надо готовиться. Борино лечение я прерывать не буду. Пошли они к дьяволу вместе со своими порядками и законами. В феврале я в Москву не уеду... Разве что похитят. Шучу.

...Весь вечер ходил с Борькой по окружающим улицам. Большой магазин, где хотел купить ему куртку, закрывается рано. Не успели. Поужинали в кафе, а затем прошлись быстрым шагом по музею современного искусства (Centre Pompidou); он впервые все это видел (т. е. постоянную экспозицию). Как понять его подлинные впечатления? Поразило меня одно – он сразу узнал Клее. Смотрели и многое другое. Ответы его: «да», «нет». Рассказы немногословны. Но уверяет, что ему там хорошо. Обучают его игре на гитаре!!! Уже несколько уроков...

Вчера провел вечер с Жаком Дюпенем и Мишелем Деги. Обсуждали, главным образом, мои дела, предстоящие переводы и французскую книгу с литографиями Мишо. Возможно, напишу к этому изданию вступление. Но виза треклятая!!! Обсуждали и подписочные дела. Жак снова займется, хотя у них там заваруха после смерти Магта (склока с сыном). Я предлагаю ему съездить в Москву; он очень хочет с тобой познакомиться; много рассказывал о Ник. Ив.*. Он ему надпишет и pošлет свою книгу о Джакометти. Как видишь, скучать не приходится. Если добавить к этому 100 телефонных звонков, беготню по магазинам, за бельем (наконец-то выбрался), письма и пр., то поймешь, что голова моя пуста; не только условий, но и минуты свободной не остается для работы и даже для осмысления того, что на нас надвигается неотвратимо. Надо доработать (с кем?) перевод «Повести о карлике», которая будет предложена (Жак Дюпен) Миро для отдельного роскошного (деньги!) издания. Завтра буду обедать (т. е. ужинать по-русски) с Граком, но вряд ли он согласится помочь. Ни ему, ни Бланшо (как и тебе?) не понравилось. Зато Мишо принял!! Но нужно достичь плавности и простоты, которые в русском. Уж слишком тяжеловесно по-французски.

Сегодня об этом говорил с Граком. Ужинали вместе.

Он обещал внимательно перечитать и с моей помощью доработать перевод. День снова безумный. Утром звонки и звонки, еще куда-то надо в субботу пойти после важной – о тебе – встрече (см. выше). Обедал с Аней (Шевалье). Накупила она тебе подарков!.. Потом встретился с Моник; она поговорит с мужем... Может быть, встречусь, если не с Миттераном... то хотя бы с министром (Nicole Guestaux; она распорядилась об оплате Бориного лечения.). Все дни загружены до предела. На ходу познакомился с кое-какими обитателями нашего Вавилона. Поразительные истории! В пятницу буду обедать с Жоржем, а вечером поужинаю у Жака Дюпена: продолжим переводческую деятельность. Можно – и нужно – добиться двухкомнатного помещения в этом Сите; надо звонить, хлопотать... Не успеваю. Пока помогают, но что будет дальше? Долго так продолжаться не может. Ох, как хочется выспаться... часов бы 20 проспал... Моник раздобыла мне снотворные. О Мелетинском сообщил Бремону. Рад, конечно,

буду его встречать... Но по реакциям Бремона вижу, что это вовлечет меня в новые общения: больше не могу!! Деги его приглашает... ему здесь, разумеется, будет оказан наилучший прием, но – не говоря уж о Боре и «текущих делах» – я живу на вулкане; вряд ли могу сопровождать. Увидим. Мне лично не к чему встречаться с Леви-Стросом (к примеру). И т. д. О Мих. Семенко* не забыл... Но у бедного Мишеля совершенно нет времени. Не забыл и не забуду. Ох, забыл позвонить Грину; завтра днем (праздник – armistice) – единственная возможность сходить к нему вместе с Борькой. Подписка продолжается. Еще дал Граку несколько «экземпляров». Эрику надо занести. Как все это удержать в голове?

Да, хочу избежать разрыва. Но если не удастся, буду за вас сражаться насмерть. Позвоню еще раз журналисту, который был в Москве. И другим. Не хочу. О, куда спрятаться?

Я московским прохвостам ни на йоту не верю. Да и поздно отступать: после бессмысленного консульского протеста дороги назад не оставалось.

Думаю, что не стану ждать ответа до февраля, как им хотелось бы... чтобы застать меня врасплох. Через месяц обращусь к консулу, резко и твердо. Тебя постараюсь держать в курсе дела и, если что-то прояснится, сообщу тотчас.

Андрюшу, тебя мысленно прижимаю к сердцу. Целую без конца. В.

Грак вчера интересно рассказывал об Эрнсте Юнгере*, полном сил в свои 85 или 86 лет и странствующем беспрестанно, а также о Помпиду*, с которым учился в лицее и продолжал регулярно встречаться (ежемесячный ужин школьных друзей!) почти до самой смерти.

Боря — сын Вадима и Ирины, родился в 1965 году в Москве, выехал с отцом на лечение во Францию 17 февраля 1981 года. Живет в Париже.

Блانشо Морис (1907–2003) – французский писатель и философ, один из крупнейших мыслителей XX века. Переписывался с Вадимом с начала 70-х годов.

«Холм» – «Прочь от холма», книга стихов Вадима Козового, вышла в Париже в издательстве «Синтаксис» в 1982 году.

Третья — «Поименное», книга Вадима Козового, вышла в Париже в издательстве «Синтаксис» в 1988 году.

Мишо — Анри Мишо (1899–1984), французский поэт и художник. Родился в Бельгии. Автор книг «Плюм», «Варвар в Азии», «Внутреннее пространство», «Помраченные» (о рисунках душевнобольных). Выставки его живописи проходили во многих странах мира, в том числе в Москве (июль 1997 года, РГБИЛ, комиссар выставки Вадим Козовой). Переписывался с Вадимом с 1976 года.

Целан Пауль (1920–1970) – немецкий поэт румынского происхождения, покончил с собой в Париже. Автор книг «Ничья роза» и др.

Антельм Робер (1917–1990) – французский писатель, узник Бухенвальда, друг Мориса Бланшо, автор книги об опыте концлагеря «Род человеческий».

Грин Жюльен (1900–1998) – французский писатель, автор романов «Адриенна Мезюра», «Левиафан», «Гость на земле», «Обломки», знаменитых «Дневников». Член Французской Академии.

Трак Жюльен (р. 1910) – французский писатель, автор романов «Замок Арголь», «Побережье Сирта», «Балкон в лесу», «Форма одного города» и других. Живет в Сен-Флоране, недалеко от Нанта.

Дюпен Жак (р. 1927) – французский поэт, художественный критик, один из создателей журнала «Эфемер». Автор поэтических сборников («Амбразура», «Снаружи», «Неявка», «Еще ничего и уже все»), а также монографий о художниках (Джакометти, Миро).

Деги Мишель (р. 1930) – французский поэт, эссеист, теоретик поэтического языка, главный редактор журнала «Поэзи».

Кассу Жан (1897–1986) – французский писатель, художественный критик, переводчик, автор романов и поэтических сборников («Роза и вино», «Баллады»), Герой Сопротивления – входил в подпольную группу «Музей человека», был в концлагере.

Сувчинские – Петр Петрович (1892–1985), один из основателей евразийства, музыковед, литератор и *Марианна Львовна* (урожд. Карсавина, 1911–1994), его жена.

Шар Рене (1907–1988) – французский поэт, автор книг «Молот без хозяина», «Ярость и тайна», «Встающие на заре», «Утраченная нагота» и других. Участник Сопротивления. Их переписка с Вадимом началась в 1976 году. *Тина Жолас* — его многолетний друг, в прошлом – жена поэта Андре Дю Буше.

Окутюрье Мишель — профессор-славист, переводчик на французский язык поэзии Пастернака, автор монографий о русских писателях и поэтах. Друг О.В. Ивинской и семьи Козовых.

Шевалье Анн, урожд. Четверикова (ум. 1998) – заведовала отделом авторского права в издательстве «Галлимар». Познакомилась с Вадимом в 1977 году на первой МКВЯ в Москве.

Эрик — приемный сын Ж. Грина.

Надписанную Андрюше книгу... – Имеется в виду сказочная повесть «Ночь привидений» («La nuit des fantômes»), посланная Жюльеном Грином в Москву нашему сыну Андрею.

Квартира... – По приезде в Париж Вадим с Борисом жили в доме Татищевых в Фонтене-о-роз. Через месяц по протекции Жюльена Грака, который был дружен с мэром этого городка, Вадим переехал в отдельную мансарду около вокзала в том же Фонтене-о-роз, а первого сентября вместе с Борисом поселился в общежитии для художников-иностранцев в Сите-дез-ар в центре Парижа, где прожил до октября 1983 года.

Сюр мен Франсуаза — жена работника французского посольства в Москве, много помогавшая своим русским друзьям.

Жаклин — жена Жерара Абенсура, профессора-слависта, который в 60-х годах был атташе по культуре посольства Франции в Москве, затем преподавал в институте восточных языков в Париже; перевел на французский язык книгу Ирины Емельяновой «Легенды Потаповского переулка», издательство «Fayard», 2002.

Мелетинский Елеазар Моисеевич (р. 1918) – русский ученый, исследователь фольклора, занимался проблемами происхождения повествовательных жанров, автор книг «Герой волшебной сказки», «Происхождение героического эпоса», «Средневековый роман» и др. В 1981 году по приглашению ученого Бремона впервые выехал за границу.

Бремон Рене (р. 1929) – французский исследователь структурно-семиотического направления, развивал идеи В. Гроппа.

Леви-Строс Клод (р. 1908) – член Французской Академии, этнограф и социолог, ученый-структуралист.

Степан — друг Козовых Степан Татищев, в семье которого первое время жили Вадим и Борис. В 70-х годах Степан Николаевич Татищев был атташе по культуре в посольстве Франции в Москве. И он, и его жена Анна самоотверженно помогали своим русским друзьям, рискуя иногда и своим положением, и даже головой.

Жоржик — Жорж Нива (р. 1935), друг Ирины и Вадима, профессор-славист, ректор факультета русского языка в Женевском университете, автор многих книг о России, переводчик и литературовед. *Люсиль* — его жена.

Уважаемый генерал — скорее всего, имеется в виду Ф.Д. Бобков, генерал КГБ, «курирующий» в то время интеллигенцию. Именно с ним встречался Вадим, отстаивая свое право на поездку во Францию; к разговору с ним он часто возвращается в своих письмах, называя его Б.

Акакий — Акакий Константинович Гацерелия (1909–1994), грузинский писатель и литературовед, автор монументального труда по теории грузинской просодии. Друг Вадима Козового. *Дуда* — его дочь.

Hugues (Юг) Жан — владелец известной парижской галереи, библиофил.

...оправдать свое предательство... – В последние годы жизни Рене Шар порвал почти все свои дружеские связи; он тяжело болел, мало выезжал из своей деревни, жил «бирюком». Оказать гостеприимство Вадиму и Боре (о чем шла речь в 70-х годах) он был уже не в состоянии. Врачи говорили даже о тяжелом душевном расстройстве – обо всем этом Вадим тогда не знал и судил своего бывшего друга слишком строго. Конкретным поводом для разрыва послужила резкая критика Вадимом «Антологии мировой поэзии», составленной и переведенной Рене Шаром и Тиной Жолас. Вадим «бешено разнес», как он умел, выбор русских поэтов, сделанный Р. Шаром. А тот был болезненно самолюбив.

«Новые голоса» — сборник стихов современных французских поэтов, вышедший в издательстве «Прогресс» в 1981 году. 16 стихотворений Мишеля Деги переведены Вадимом Козовым.

Центр — Centre Etienne Marcel, дневная школа для больных подростков в Париже. Директор – доктор Баранес.

Амальрик Жак — журналист, в 70-е годы корреспондент газеты «Монд» в Москве.

Барр Раймон — премьер-министр французского правительства (1976–1981).

Магт Эме (1906–1981) – французский коллекционер, создатель богатейшего частного музея современного искусства в Сен-Поль-де-Ванс (открыт с 1964 года).

Дюбюффе Жан (1901–1985) – французский живописец, основоположник и теоретик «грубого искусства» (ар брют).

Ник. Ив., НИХ— Николай Иванович Харджиев (1903–1996), писатель, литературовед, критик, собиратель русского авангарда.

Семенко Михаил (Михайль) – украинский поэт, расстрелянный в 1937 году. Вадим высоко ценил его поэзию, хотел опубликовать переводы его стихов во Франции.

Юнгер Эрнст (1895–1998) – немецкий писатель и философ.

Помпиду Жорж (1911–1974) – в 1962–1968 годах премьер-министр, с 1969 по 1974 год президент Франции.

1981 ДЕКАБРЬ-1

... Не знаю, успею ли передать это письмо. Множество okazji (убедишься – подарки...), сегодня еще одна, но я как загнанный заяц, и бессонница свирепая совсем измочалила.

Мелетинский тебе кое-что расскажет, но каждый видит лишь то, что хочет и может видеть и замечать. А я стал вконец невозможен: помнишь ли мои московские упадки? И некому слова сказать... На радио (France culture) хотят немедленно подготовить передачу-беседу: увы, никто не подходит для моего «серьеза»; Жак Дюпен, может быть (?), но он молчалив, а я никого больше не нахожу.

... Вчера встретился с Эдиком*; он пришел со своей Анни, я был в подавленном невыспанном состоянии, обуреваем заботами и предстоящей беготней. Два с лишним часа проболтали. Эдик еще раздался: крепыш. Поглощен делами, «намолотил» (?) роман и т. д. и т. п. Вечером пришлось пойти к пупсикам* на новоселье; замерз дьявольски, бегая в поисках подарков для вас. Холодно, а одет я легко.

Шар поступил низко и подло. Никакие причины и поводы (то-то и есть что поводы...) его не оправдывают. И все же рана не заживает, страдаю порой дьявольски. Мир ледящий (там, здесь – особенно), и он был для меня противоположным полюсом. Страшно осознать свою ошибку. Страшно: одиночество безысходное.

Письменное общение с Бланшо, кажется, себя исчерпало: все сказано и пересказано; на его последнее письмо мне ответить нечего. Какая близость не задохнется в таком безвоздушном развоплощенном кругу?

Мишо? Да, он меня ценит, ко мне прислушивается, сотрудничать готов (рисунки к русской книге; возможные литографии к французской) как никогда ни с кем. Единственный, быть может, из этого поколения, кто всерьез почувствовал мою поэзию по переводам (скверным). Но ведь возраст... «Я вас старше, – говорит, – на 60 лет». «Нет, – отвечаю, – на 10, не больше». А с французской (как и с русской) книгой 1000 проблем. И все мои терзания («миллион») – при мне.

Тем не менее надо продолжать. Кто знает, может быть, визу и продлят. Сомнительно. Отступить некуда, и сдаваться я не имею права. Увидим. О тебе хлопчут и ходатайствуют. Тебе расскажут. На днях тоже. Но на ближайший успех надежды не питаю. Все это у наших «благодетелей», разумеется, вызывает ярость. Плевать. Что будет (в случае отказа) со Спасской и содержимым*? Об этом надо подумать (книги и т. д.). Друзья помогут – обещали. Оставаться здесь окончательно по-прежнему не хочу, а эмигрантские доводы для меня неприемлемы.

... С деньгами трудно. Высокие ходатайства не помогли, т. е. помогли недостаточно: на среднем уровне решают по-своему; оказалось вдвое меньше ожидаемого. Жак Дюпен много раз помогал. Очень важно в этом смысле французское издание для библиофилов и богачей: Мишо и, б. м., Миро. Но у Магта – после смерти отца и основателя – склока с сыном. Неизвестно даже, останется ли Жак. А мне нужно теперь же... Посмотрим. Миро – несмотря на дружбу с Жаком – отказывается теперь с ними сотрудничать, до выяснения и решения. Жак сейчас у него, повез «Повесть о карлике».

Но все это временное... Нужно бы (если...) и нечто постоянное. Как быть? Ах, не знаю. Все осточертело, и устал до невозможности. Думаю об Андрюше и начинаю скулить; уже давно знаю: он – мое единственное утешение в этой растреклятой жизни. Надеюсь, что игрушкам обрадуется. Надеюсь, что продукты не испортятся. Бертрану Дюфурку* дал, в частности, 2 ананаса. Бертран тебе должен позвонить и, м. б., с тобой встретиться. Был у них несколько дней назад.

С бытом (завтрак, ужин, продукты, фрукты, белье, брюки, оторванные пуговицы, грязные носки, гладка, полотенца и т. д. и т. п.) не успеваю справляться. Да и условия – увы...

Обнаружил, что нет у нас теплого белья. А у меня и перчаток нет (на одну руку осталась). Так продолжаться не может. И тем не менее так будет продолжаться.

Дважды забежал в огромный универмаг ВНУ – недалеко от нас. На двух этажах игры и игрушки – хотелось бы вам, еще и еще Андриюше. Столько всего – в глазах темно. Но стал об Андриюше думать – мне бы его сюда, побродить, потолкаться с ним, выбирая подарки, – и сердце застонало, и слезы душат, так и убежал, ничего не купив. А зар не нашел. Я помню; при случае передам. Вообще что-либо выбрать крайне трудно.

...Тебе, кисанька, здесь было бы, возможно, еще тоскливее моего, хотя нет у тебя «миллона трезаний»... Но затевать «процесс» (я уже почти совсем К.) не хочу, а это, б. м., единственная реальная возможность.

Спешу передать это письмо в сопровождении польских новостей*. Обо всех этих мировых делах ничего тебе не пишу, что не означает благоразумия – отнюдь.

...Снег! Промок! Надо купить ботинки и теплое белье. Борька одет лучше меня... А промок я по дороге за верткой «Холма».

Эдик — Эдуард Самойлович Кузнецов (р. 1939), арестован первый раз в 1961 году за выступления в составе группы СМОГ («Союз молодых гениев») на площади Маяковского. После семилетнего заключения отбывал ссылку в г. Ступино, откуда часто приезжал в Москву и заходил в гости на Потаповский. Второй раз был арестован по «самолетному делу» в 1970 году, приговорен к расстрелу, помилован и обменен на советских разведчиков в 1979-м. Живет в Израиле. Журналист.

...пришлось пойти к пупсикам... – Речь идет о близких друзьях Вадима и Ирины Антонине и Жераре Рубишу, которые в 1967—68 годах преподавали французский язык в МГУ. А. Рубишу – известная переводчица русской прозы, в том числе текстов В. Козового на французский.

...что будет со Спасской и содержимым? – В квартире на Большой Спасской улице, где Вадим прожил с 1979 по 1981 годы, находилась его огромная библиотека.

Дюфурк Бертран – в 70-е годы советник по культуре посольства Франции в Москве.

...в сопровождении польских новостей... – 21 декабря 1981 года в Польше было объявлено чрезвычайное положение.

1981 ДЕКАБРЬ-2

...Сегодня еще позвоню тебе для уточнения, но иллюзий не питаю: видимо, действительно отказ. Я хочу, чтобы ты поговорила на эту тему при личной встрече спокойно и обстоятельно. Насколько могу понять, к делу подошли поверхностно и совершили грубую ошибку. Надо ее теперь же исправить. Ведь я поехал с Борей ради его лечения. Поиски места, формальности устройства, оплаты и т. д. оказались – и это нормально – довольно долгими. Могу сказать даже, что весь подготовительный период – без моей энергии, знания языка и многочисленных, на всех уровнях, друзей, – затянулся бы еще на месяцы и месяцы. Ты вообще ничего бы не добила. Само лечение – длительное, очень длительное! – стоит (для нас) чудовищных денег. Вопрос недавно решен самим министром.

Наконец лечение начато. И это не интернат (таковых не существует, насколько я знаю, есть лишь жуткие – как везде – *maisons de foux*), а «дневная клиника» (вместе с занятиями и пр.). Т. е. Боря проводит там 6–7 часов, а затем возвращается домой. Дома он остается в субботу и воскресенье. Что же, я должен прервать достигнутое с таким трудом и немедленно вернуться в Москву? Или бросить больного мальчика на произвол судьбы? Чередоваться с тобой – нереально, надо же видеть вещи трезво. Да и не сможешь ты без меня (язык, друзья и проч.) справиться с трудной повседневностью, помогая Боре. Зачем же тогда было огород городить? Зачем выносить первоначальное решение? Тут нет ни малейшей логики... Если не считать таковой закоренелую паранойю. Нет даже и тени разумного расчета. Твое присутствие необходимо (на продолжительное время) по мнению всех специалистов, независимо от направлений и методики. К проф. Томатису – на него очень рассчитываю – без тебя (и тестов с тобой) не могу даже обратиться. Сделано было разумное и хорошее дело. Спасибо. Но зачем же теперь его разрушать и доводить вполне понятное ожидание до точки кипения? А потом, видите ли, мои реакции нехороши...

Ведь, скажем прямо, пожертвовал многим личным, не только работой, чтением, нормальной жизнью в родной среде, не мог даже увидеть папу, проститься с ним... Слезы наворачиваются. И даже если приедете (приедете!) – все равно многомесячная разлука. Мы могли бы искать наилучшую помощь Боре 8 лет назад, когда Рене Шар приглашал... и Боре было легче помочь. Нет, довольно валить с больной головы на здоровую. Никто не поймет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.